

Протоіерей Николай Александрович Головщиковъ.

Въ ночь на 2-е января текущаго 1912 г. скончался преподаватель физико-математическихъ наукъ въ Иркутской дух. семинаріи о. Николай Александровичъ Головщиковъ.

Смерть его сильно поразила всѣхъ его знавшихъ. До своей роковой болѣзни (гриппозное воспаленіе легкихъ) онъ былъ бодрымъ, здоровымъ. Приступъ болѣзни онъ почувствовалъ наканунѣ Рождества Христова, а къ новому году его не стало...

Покойный прослужилъ въ Иркутской семинаріи почти 30 лѣтъ (съ 21 января 1882 г.). Онъ былъ сынъ псаломщика Ярославской епархіи и скончался далеко не старымъ человекомъ: всего 55 лѣтъ отъ роду.

Поступивъ на службу въ Иркутскую семинарію, покойный о. Николай не ограничивался въ своей педагогической дѣятельности только одной семинаріей. Онъ 14 (лѣтъ съ 1882 по 1896 г.) преподавалъ ариметику и физику въ женскомъ духовномъ училищѣ, 11 лѣтъ (съ 1893 г. по 1909 г.) преподавалъ въ юнкерскомъ училищѣ, въ 1-й женской гимназіи, въ мужской гимназіи, и, наконецъ, въ послѣднее время въ теченіе 5 лѣтъ въ женской гимназіи А. М. Григорьевой, гдѣ онъ состоялъ кромѣ того и предсѣдателемъ попечительнаго совѣта.

Въ 1890 году 28 августа онъ былъ поставленъ священникомъ въ батальонной церкви, гдѣ служилъ до 1901 года. Но болѣзнь горла, дававшая себя знать, особенно во время великаго поста, а также и то, что батальонъ развернулся въ полкъ и ушелъ изъ Иркутска, заставили о. Николая оставить это мѣсто. Послѣ этого о. Николай не занималъ штатнаго священническаго мѣста и былъ причисленъ къ семинарской Свято-Духовной церкви, исполняя въ то же время (около 5 лѣтъ) обязанности священника при церкви въ домѣ гене-

раль-губернатора. Долгое преподаваніе въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ сдѣлало его чрезвычайно популярнымъ въ разныхъ слояхъ общества г. Иркутска. И смерть его была встрѣчена съ искреннимъ горемъ всѣми его знавшими.

Мы не дѣлаемъ характеристики высокой личности почившаго, такъ какъ это нашло откликъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ при его погребеніи.

Погребеніе почившаго происходило 4 января. Погребеніе совершалъ Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Серафимъ, въ сослуженіи съ многочисленнымъ духовенствомъ, собравшимся отдать послѣдній долгъ почившему.

Во время заупокойной литургіи, послѣ заричастнаго стиха, произнесъ рѣчь преподаватель семинаріи М. В. Одинцовъ

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!»

Простое и неизбежное, но въ простотѣ своей глубоко таинственное событіе совершилось предъ нами. Отпаль, какъ созрѣвшій плодъ, отъ жизненнаго дерева о. протоіерей Николай Александровичъ Головщиковъ. Тридцать лѣтъ онъ неустанно работалъ на одномъ и томъ же поприщѣ—тяжеломъ поприщѣ учителя,—и наступила теперь для него пора заслуженнаго покоя и отдыха. Но прежде, чѣмъ разстанемся съ нимъ, окинемъ быстрымъ взоромъ и путь, имъ пройденный, и образъ, оставленный имъ въ нашихъ душахъ.

Сынъ сельскаго псаломщика, онъ вышелъ изъ духовной школы. Но время его ученія-семидесятые годы прошлаго столѣтія—отличалось особеннымъ подъемомъ, отзвукомъ общаго подъема русской жизни въ эпоху 60-хъ годовъ,—стремленіе къ званію и свѣту науки, къ широкой общественной дѣятельности окрыляло горячій юношескій идеализмъ. Покойный о. протоіерей всегда съ любовью вспоминалъ свое пребываніе въ семинаріи и иногда съ горечью замѣчалъ болѣе равнодушное и холодное отношеніе къ ис-

тинѣ и наукѣ среди теперешняго учащагося юношества. Самъ онъ на школьной скамѣ опредѣлилъ свои умственные интересы, отдавшись изученію точныхъ наукъ. Неопровержимая общеобязательность, безспорная ясность точнаго математическаго знанія навсегда остались для него высшимъ воплощеніемъ научной истины. Ища этой истины, онъ идетъ въ центръ ея—университетъ. Но вотъ окончены годы ученья—и наступила пора дѣятельности. Заброшенный въ далекую Сибирь, онъ прилагаетъ все силы и знанія свои въ духовной же школѣ, изъ которой онъ вышелъ. Онъ ставитъ задачей своей зажечь въ своихъ ученикахъ ту безкорыстную любовь къ чистому знанію, то увлеченіе идеаломъ ясной и всегда себѣ равной истины, которое жило въ его собственной душѣ. Онъ искренно радуется, если замѣчаетъ въ комъ-либо изъ своихъ учениковъ слѣды такого же умственного склада, и недавно я слышалъ, какъ онъ съ любовью и радостью отзывался объ одномъ изъ своихъ учениковъ, избравшемъ по влеченію математику своей спеціальностью въ высшей школѣ. Учительская работа не давала ему внѣшнихъ высокихъ благъ, но ни на какія другія поприща не мѣнялъ почившій своей полной испытаній доли, цѣня выше всего благо внутреннее. Это благо очъ видѣлъ въ образованіи молодыхъ умовъ и потому лучшими часами своей жизни считалъ часы, проведенные въ классѣ. Мелкія дразги житейской суеты здѣсь не касались его, онъ забывалъ о нихъ и всей душой уходилъ въ любимое дѣло. Оттого онъ и не тяготился никакимъ количествомъ уроковъ. Искреннее чувство и глубокая идея всегда открываютъ вѣрный путь къ душѣ другихъ. Поэтому и у о. Николая устанавливалась внутренняя тѣсная связь съ учениками, которые и чувствовали и понимали искренность и глубину отношенія своего учителя къ его наукѣ и поэтому невольно уважали его. Это уваженіе они сохраняли навсегда. Въ послѣдніе

годы я былъ свидѣтелемъ замѣчательно искреннихъ и теплыхъ отношеній къ почившему со стороны ученицъ женской гимназіи А. М. Григорьевой, понесшей съ его кончиной ничѣмъ вознаградимую потерю. И самъ о. Николай, съ своей стороны, любилъ своихъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ, о нихъ онъ думалъ и въ свои предсмертные часы. — Но не только учитель, служитель *истины*, былъ предъ учащимися въ лицѣ о. Николая. Они видѣли въ немъ замѣчательно простого и благороднаго человѣка. Простота и открытость его души, чуждой всякой неискренности, создавали и отношенія къ людямъ прямыя, чуждыя всякихъ затаенныхъ движеній чувства и мысли. Всего лучше эта сторона о. Николая выразилась въ его воспитательской дѣятельности. Много лѣтъ онъ стоялъ близко къ ученикамъ семинаріи, сначала какъ надзиратель, потомъ какъ помощникъ инспектора, и одно время какъ инспекторъ. Въ этомъ многотрудномъ дѣлѣ онъ умѣлъ соединить простое и доброе отношеніе къ учащимся съ требованіями педагогическаго долга, — основывая свои мѣры на довѣрїи къ личности ученика, вызывая этимъ въ воспитанникахъ чувство человѣческаго достоинства, чувство долга и правды. За такое довѣрчивое отношеніе и любили о. Николая ученики, хотя онъ и былъ въ то же время воспитателемъ строгимъ и требовательнымъ.

Было бы, однако, одностороннимъ видѣть въ отцѣ Николаѣ только представителя точнаго знанія. Онъ хорошо понималъ, что нельзя заключить всего существующаго въ сравнительно узкія рамки опыта, что есть другая дѣйствительность, постигаемая не опытнымъ знаніемъ, а интуиціей и вѣрой. Только нельзя смѣшивать этихъ двухъ областей, нельзя міръ вѣры поколебать или утвердить данными точной науки и нельзя въ міръ опыта вносить критерїи вѣры. И на урокахъ своихъ, особенно физики и космографіи, о. Ни-

колай отчетливо разграничивалъ эти области, заявляя, что только ограниченные люди не могутъ изъ-за деревьевъ опыта увидѣть всего необъятнаго моря вѣбопытной дѣйствительности. Искренно и просто вѣрующій христіанинъ и священникъ, онъ являлъ образецъ рѣдкой гармоніи духа, широкаго и свѣтлаго взгляда на міръ. Онъ любилъ этотъ міръ и людей, любилъ природу, ея красоту и величіе, но выше міра видимаго ставилъ красоту Божественную. Я помню, какъ на одномъ экзаменѣ по Св. Писанію о. Николай поразилъ меня своимъ глубокимъ пониманіемъ геосиманской молитвы Богочеловѣка: — въ ней, въ этой скорбной, но вмѣстѣ радостной преданности всего человѣческаго естества въ волю Божию, онъ видѣлъ лучшее выраженіе Божественности Христа.

Догорѣла скромная трудовая жизнь. Сознаніе исполненнаго долга, радости умственнаго труда и тихая семейная жизнь — вотъ единственные свѣтлые моменты этой жизни. Но внутренняя цѣнность жизни никогда не измѣряется ея скромной вѣшностью. Какъ неветшающее сокровище, «на небсѣхъ собираемое и вѣчное», пойдетъ въ вѣчность созданный въ душѣ о. Николая міръ добра, истины и любви, и вѣримъ, сдѣлаетъ и его самого причастникомъ вѣчнаго царства Божія. Но и здѣсь, на землѣ, сохраняются въ душахъ всѣхъ знавшихъ его, особенно учившихся у него, посеянные имъ зерна любви къ истинѣ и добру, любви къ людямъ и вѣры въ нихъ. И если сгустится окружающая насъ мгла, если мы сами встанемъ на ложный путь, ведущій въ сторону отъ истины и добра, быть можетъ не одинъ разъ всплыветъ въ нашемъ сознаніи образъ простой и чистой жизни, образъ прямого, благороднаго и честнаго учителя нашего и предохранитъ насъ отъ ошибокъ, неправыхъ дѣлъ и ложныхъ мыслей. Въ томъ и значеніе духовныхъ цѣнностей, что ихъ вліяніе не подчинено ограниченіямъ пространства и времени, и потому созданное человѣкомъ добро не умираетъ вмѣстѣ

съ носителемъ и творцомъ своимъ. И въ этомъ—единственное наше утѣшеніе въ скорбномъ фактѣ смерти. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ законъ непрерывности духовной жизни налагаетъ на насъ и неотложный долгъ—самимъ не встать въ сторонѣ отъ созиданія добра въ мірѣ, отъ образования и роста царства Божія, — неотложный долгъ явиться дѣятельными работниками въ жизни, чтобы не уподобиться плевеламъ, исторгаемымъ при жатвѣ за свою бесполезность. Мы должны прожить жизнь, осіянную свѣтомъ истины, добра и правды, и свѣтомъ своей жизни зажечь и души нашихъ ближнихъ. Поэтому, лучшей данью уваженія, любви и благодарности почившему о. Николаю со стороны насъ, его учениковъ и знакомыхъ, будетъ наше жизненное дѣло, совершаемое просто, безъ лишнихъ словъ, во имя истины и добра. Аминь.»

Предъ чиномъ погребенія произнесъ рѣчь преподаватель семинаріи свящ. І. Дроздовъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!»

Дорогой собратъ, о. Николай Александровичъ! Давно-ли мы видѣли тебя бодрымъ, здоровымъ, усердно работающимъ и, по обычаю, серьезнымъ, сосредоточеннымъ? И вотъ, мы видимъ тебя лежащимъ въ гробѣ. Небесный Женихъ пришелъ къ тебѣ въ первый день наступившаго новаго года, нашель тебя, какъ блаженнаго раба, блящимъ и взялъ изъ среды насъ. Пусть будетъ Его святая воля; да будетъ благословенно имя Господне! Смерть—общая участь всѣхъ насъ. Нѣтъ человѣка, который не увидѣлъ-бы могилы. Мы, люди, имѣющіе надежду на жизнь вѣчную, вѣримъ, что смерть есть рожденіе для будущей жизни. «День смерти,—говоритъ ветхозавѣтный мудрецъ,—лучше дня рожденія.» (Екл., 7, 3). Жизнь человѣческая, если она и счастлива, всегда состоитъ изъ смѣшенія радости и горя. Здѣсь, на землѣ, мы никогда и нигдѣ не найдемъ полного счастья. Мы здѣсь, на землѣ, рабы грѣха, мы здѣсь—въ жилищѣ

скорби. И смерть для вѣрующаго христіанина, для человѣка, стремящагося къ совершенству, не страшна, она есть освобожденіе отъ тяжелыхъ узъ земной жизни, она есть рожденіе для новой, лучшей, свѣтлой жизни. Для вѣрующаго благочестиваго христіанина смерть — пріобрѣтеніе.

Вѣримъ, дорогой собратъ, что и для тебя твоя кончина — пріобрѣтеніе. Мы всегда тебя знали, какъ благочестиваго вѣрующаго христіанина, постоянно много и усердно работающаго. Но твоимъ сослуживцамъ, твоимъ ученикамъ, по весьма понятнымъ человѣческимъ чувствамъ, тяжело было услышать о твоей внезапной кончинѣ, тяжело провожать тебя въ мѣсто твоего вѣчнаго упокоенія.

Ты прослужилъ въ ставшей для тебя родной Иркутской семинаріи безъ нѣсколькихъ дней 30 лѣтъ. Въ продолженіе такого длиннаго періода времени ты преподавалъ здѣсь весьма важныя въ образованіи физико-математическія науки. Ты, впрочемъ, никогда не ограничивался одной семинаріей. Тяжелая нужда заставляла тебя работать и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. До гробовой доски ты усиленно работалъ, всегда имѣя большее количество (отъ 25—30) уроковъ. Какъ серьезный преподаватель, основательно знающій свой предметъ, сильно его любящій и готовый передать эту любовь своимъ ученикамъ, ты всегда и вездѣ высоко цѣнился. И Иркутская семинарія была счастлива, имѣя тебя въ своихъ стѣнахъ, какъ серьезнаго преподавателя, но она болѣе другихъ учебныхъ заведеній счастлива тѣмъ, что одинъ изъ трудныхъ предметовъ ты преподавалъ почти цѣлыхъ 30 лѣтъ.

Но кромѣ обычныхъ качествъ, которыя долженъ имѣть всякій хорошій преподаватель: знанія предмета, любви къ нему, и умѣнія передать его ученикамъ, — что ты въ полной мѣрѣ имѣлъ, у тебя была еще одна особенно цѣнная особенность: ты былъ священникомъ.

Трудно сказать, какими путями Господь Бог привелъ тебя, кончившаго высшую свѣтскую школу, именно университетъ, преподавателя свѣтской науки — математики, къ принятію священства. Ты не былъ особенно откровененъ въ томъ, что составляло святая святыхъ твоей души. Какъ на одну изъ причинъ, ты, между прочимъ, указывалъ на необходимость дать своимъ дѣтямъ прочное религиозно-нравственное воспитаніе. Но это, конечно, одна изъ причинъ. Несомнѣнно, принятое тобою священство было шагомъ строго обдуманнѣмъ. Вѣдь ты сталъ священникомъ въ зрѣломъ возрастѣ, послѣ 8 лѣтъ службы въ семинаріи. И первый періодъ твоей службы въ семинаріи, до принятія тобою священства, былъ періодомъ постоянного исканія идеала и его воплощенія. Ты какъ то разъ выразился, что предъ тобой носились три идеала, которые ты хотѣлъ-бы осуществить въ жизни. Это идеалъ земледѣльца, учителя и священника. Учителемъ ты уже былъ. И вотъ, вмѣстѣ съ учительствомъ ты становишься земледѣльцемъ. И вотъ, ты самъ лично обрабатываешь землю, живешь въ деревнѣ. И ты чувствовалъ себя хорошо. Трудъ земледѣльца тебѣ всегда былъ пріятенъ и радостенъ, знакомъ съ дѣтства. Но тебя ждало горькое разочарованіе. Трудъ земледѣльца въ Сибири оказался очень тяжелъ, и тебѣ не по силамъ. Кромѣ этого, занятіе земледѣліемъ ввело тебя въ долгъ, который съ тѣхъ поръ преслѣдовалъ тебя всю жизнь.

Осуществленіе этого идеала, такимъ образомъ, оказалось для тебя невозможнѣмъ.

И вотъ, предъ тобою стоитъ другой идеалъ, высокій, но трудный и тернистый, — идеалъ пастырства. И ты становишься священникомъ. Но священство для тебя было именно идеаломъ, котораго ты искалъ, и, найдя его, успокоился. Для тебя оно не было средствомъ увеличить скромное учительское жалованье. Большую часть своего священства ты

провелъ въ качествѣ безприходнаго священника, а тотъ приходъ, какой ты имѣлъ, какъ батальонный священникъ, давалъ тебѣ много дѣла, заботъ и очень малое вознагражденіе. Необходимость напряженія вообще и особенно горла, которое не рѣдко у тебя серьезно болѣло, вынудила тебя оставить это мѣсто. Съ этихъ поръ ты окончательно поселился въ скромной квартирѣ при духовной семинаріи, посвятивъ всего себя учительству.

Но, повторяю, ты былъ священникомъ.

И служеніе твое, какъ пастыря, не могло прекратиться послѣ оставленія тобою прихода. Уже то, что ты, преподаватель свѣтскаго предмета, былъ облеченъ въ священническую рясу, было зрѣлищемъ высоко поучительнымъ какъ для воспитанниковъ семинаріи, такъ, особенно, для учениковъ и ученицъ школъ свѣтскихъ: твои уроки математики не были только уроками математики, но вмѣстѣ съ тѣмъ постояннымъ безмолвнымъ законоучительствомъ, исполненіемъ высокаго пастырскаго служенія.

Что сказать о твоихъ отношеніяхъ къ намъ, твоимъ сослуживцамъ? Ты всегда былъ добръ, ласковъ, корректенъ. Вѣчно занятый, вѣчно усталый, ты радъ былъ отдохнуть въ кругу сослуживцевъ, знакомыхъ и друзей, но постоянный недостатокъ времени заставлялъ тебя все болѣе и болѣе ограничиваться кругомъ близкихъ родныхъ. Нуждаясь въ тишинѣ и покоѣ, ты мирно и скромно жилъ, окруженный вниманіемъ и почетомъ отъ всѣхъ, кто тебя болѣе или менѣе зналъ.

Прости же труженникъ, до послѣдняго часа работавшій не покладывая рукъ! Да упокоитъ Господь Богъ тебя, мало имѣвшаго здѣсь покоя, въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Иакова! Амѣнь.

(Окончаніе слѣдуетъ). Д.

Протоіерей Николай Александровичъ Головщиковъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

(Продолженіе).

Послѣ 2-й заупокойной эктениі сказалъ рѣчь о. Александръ Писаревъ.

• Дорогой батюшка,

Николай Александровичъ!

Какъ громомъ поразило всѣхъ насъ извѣстіе о Вашей кончинѣ... и было бы нестерпимо больно нашимъ душамъ, когда

бы мы не знали той истины, что все совершается по воле Всеблагого Творца и Промыслителя, что и Ваша кончина послѣдовала по неисповѣдимымъ путямъ промысла Божія... И какъ мы счастливы, что имѣемъ возможность проводить ваше бездыханное теперь уже тѣло на мѣсто вѣчнаго упокоенія и дать послѣднее цѣлованіе умершему! Какое множество учениковъ Вашихъ желало бы поучаствовать въ отпѣваніи этомъ, но, будучи удалены отсюда пространствомъ, они издали хотя почувствуютъ тяжелой утратѣ, которую несутъ въ вашемъ лицѣ и Епархія, и Семинарія, и семья, и товарищи, и ваши ученики... Епархія потеряла утрату въ вашемъ лицѣ, какъ добромъ пастырѣ словеснаго стада Христова, семинарія—одного изъ старѣйшихъ по времени служенія руководителей юношества, готовящагося къ многотрудному пастырскому служенію, семья теряетъ въ васъ заботившагося до послѣдней минуты отца и мужа о дѣтяхъ и женѣ своей: При этомъ ваши заботы въ отношеніи дѣтей были направлены не на обогащеніе ихъ матеріальными, скоро гибнущими благами, а на то, чтобы вдохнуть въ нихъ то, чѣмъ душа можетъ жить, ибо Святымъ Духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается. Корпорация семинарская лишается хорошаго друга, честнаго товарища, доброжелателя, а подъ часъ и мудраго совѣтника. Итакъ, дорогой батюшка, Николай Александровичъ, примите и отъ вашихъ учениковъ земной поклонъ—знакъ благодаренія за ваши труды и заботы, положенныя на пользу и общее благо... Беру смѣлость, зная всю любовь къ Вамъ моихъ товарищей выпуска 1896 года, земно поклониться вамъ отъ лица всѣхъ вашихъ учениковъ того времени и сказать: вѣчная память доброму наставнику!»

Предъ первымъ антифономъ сказалъ протоіерей Теодоръ Вѣрномудровъ слѣдующую рѣчь:

*«Дорогой, незабвенный учитель
и другъ, о. Николай Александровичъ!»*

Не хочется вѣрить, что это ты лежишь во гробѣ, бездыхан-

ный, безчувственный! Перестало биться твое благородное, любящее, кроткое, чистое сердце; замолкла, застыла твоя, не знавшая усталости и покоя, пытливая, жаждущая знания, вечно горбящая разумомъ, мысль; опустились безпомощно твои золотыя руки труженика, работника, подвижника ума и воли.

Не хочется вѣрить, что нѣтъ и уже болѣе не будетъ съ нами просвѣщеннаго, знающаго и умѣлаго учителя молодежи, друга учащагося, интереснаго, умнаго, многоопытнаго и серьезнаго, честно мыслящаго, оригинальнаго собесѣдника, добраго совѣтника и утѣшителя скорбящихъ и мятущихся сердець. Нѣтъ болѣе любимаго, симпатичнаго, задушевнаго члена родной семьи, семьи друзей и сослуживцевъ. Ушелъ на вѣчный покой великій работникъ, видѣвшій въ трудѣ поэзію и счастье жизни, въ борьбѣ жизненной—ея великій и прекрасный смыслъ. Пронесъ свой крестъ тяжелый ты, кроткій крестовоносецъ, съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ и неліцемернымъ смиреніемъ.

Покойся же теперь съ миромъ и радостію духовною, ты, такъ мало понятый многими, даже близко стоявшими къ тебѣ: и потому-то иногда среди своихъ ты былъ какъ будто одинокъ, и среди пустыни, моря или горъ ты былъ такъ счастливъ и жизнерадостенъ. Едва отпившіе изъ глубокой чаши знания, едва вкусившіе отъ полноты жизни молодые люди, близко стоявшіе къ тебѣ, которые должны бы были у тебя учиться мыслить, и жить, и работать и стать твоими друзьями, нерѣдко сторонились отъ тебя, потому что, извѣдавъ міръ и жизнь со всѣхъ ея сторонъ, ты не могъ вмѣстѣ съ ними увлекаться всякимъ вѣтромъ ученій, модными теченіями, мертворожденными теоріями: твоя серьезная, точная и основательная мысль, твое простое и искреннее, честное и безпристрастное отношеніе къ жизни и людямъ и ко всѣмъ перипетіямъ жизни человѣческой, многимъ были не подъ силу, многимъ приходились не по вкусу. Житейская суета и ме-

лочи жизни, дразни и вся фальшь ея были глубоко противны и чужды твоей душѣ, всегда жаждавшей великаго, истиннаго, вѣчнаго, прекраснаго; твоя душа всегда рвалась изъ узъ душевой и тѣсной, мелочной и эгоистической жизни въ высъ, на широкій просторъ. Твоимъ величайшимъ наслажденіемъ было заниматься наукой, дѣлиться съ молодежью результатами своихъ работъ, опытовъ и наблюдений, тебя восхищала ея любознательность и интересъ въ наукѣ, тебя мучило равнодушіе, въ особенности молодыхъ людей, къ великимъ явленіямъ природы, ея гармоніи, ея величію и красотѣ. Убѣгая житейской суеты, ты то вперялъ свои умныя очи въ звѣздныя пространства и упивался стройностію и величіемъ небесной жизни и тогда, благоговѣя предъ премудростію, всемогуществомъ и благостію Творца міровъ, ты колѣбнопреклоненно молился и славословилъ Его, запершись въ клѣтъ свою. Или: ища простора своей великой душѣ, своей огромной энергіи, ты выплывалъ на своей ладѣ на неоглядную гладь моря, тамъ, въ борьбѣ со стихіей, переживалъ высокое духовное и физическое удовлетвореніе; или всходилъ на снѣжныя вершины горъ, чтобы дать просторъ своему взору—парственному взору хозяина земли, чтобы надышаться чистымъ воздухомъ, чтобы насладиться рѣдкимъ, восхищающимъ душу зрѣлищемъ прекраснаго и великаго Божьяго міра. Такъ живя на землѣ, ты уже рвался душою куда-то въ высъ, въ превысиренній, идеальный, чудный, чистый міръ знанія, въ міръ великаго и вѣчнаго, прекраснаго и истиннаго И, вотъ, Вѣчный и Всесовершенный Творецъ міра, явленія и силы и законы Котораго ты пожизненно изучалъ, предъ Которымъ благоговѣлъ и чрезъ это жплъ высокою, рѣдкою сознательною и искреннею религіозною жизнью, Творецъ, Которому ты служилъ и какъ священникъ, Онъ, какъ Благій Отецъ, распростеръ къ Тебѣ свои отеческія длани, чтобы твоей выросшей и уготованной для вѣчности душѣ дать полное и

вѣчное и блаженное удовлетвореніе: угодна бо бѣ Господеву душа твоя, сего ради взятая отъ среды лукавствія. Доселѣ ты, какъ зеркаломъ въ гаданіи созерцалъ мудрость и благодать и всемогущество Создателя вселенной, теперь узришь лицемъ къ лицу. Миръ душѣ твоей, покой сердцу твоему, незабвенный учитель и другъ.

Покой, Спасе нашъ, съ праведными раба Твоего и сего всели во дворы Твоя, яко же есть писано, презирая, яко благу, прегрѣшенія его, вольныя и невольныя, и вся, яже въ вѣдѣніи и въ невѣдѣніи, челоуѣколюбче!».

Послѣ 3-й пѣсни канона сказалъ рѣчь о. Василий Флоренсовъ:

«Дорогой и незабвенный учитель мой,

о. протоіерей Николай Александровичъ!

Твоя кончина невольно переноситъ мои воспоминанія ко времени моей юности, моего ученія въ здѣшнемъ духовномъ училищѣ, которое въ началѣ 80-хъ годовъ такъ близко подходило къ строю своей жизни къ типу, начертанному въ «Очеркахъ бурсы» Помяловскаго. Въ лицѣ твоёмъ тогда едва-ли не впервые въ нашей Иркутской бурсѣ заблистала свѣтлый образъ учителя новой, не виданной еще тогда, формации,—учителя глубоко просвѣщеннаго, деликатнаго, прекрасно понимавшаго дѣтскую душу, отзывчиваго на все доброе, всегда готоваго терпѣливо все объяснить, все показать наглядно, такъ умѣло пробуждавшаго интересъ къ преподаваемому въ самихъ малышахъ-учащихся.

Къ сожалѣнію, недолго продолжалось въ училищѣ твое преподаваніе.

Мы перешли въ семинарію. И вотъ, дивные горизонты наукъ математическихъ, геометріи, физики, космографіи, ты съ рѣдкимъ умѣньемъ, усердіемъ и, главное, любовію къ предмету, раскрывалъ предъ умственнымъ взоромъ нѣсколькихъ поколѣній учащихся этой семинаріи, женскаго духовнаго учи-

лица и некоторых свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ты высоко держалъ знамя математическихъ наукъ, особенно здѣсь въ семинаріи и въ дни той реформы, которая, къ твоему прискорбію, сильно сократила эти предметы и значительно урѣзала число уроковъ по нимъ. Но ты же счастливъ былъ дожидаться и той эры новой реформы, когда какъ число уроковъ по математикѣ и физикѣ, такъ и вся постановка ихъ были подняты до той высоты, о которой ты мечталъ и которую предъявляютъ требованія новѣйшаго времени. Такъ блистательно самую жизнь и дѣятельность своею ты показалъ, что какъ преподаватель этихъ наукъ, ты стоялъ не только на высотѣ призванія, но даже шелъ впереди вѣка.

Вдумчивый естествоиспытатель, ты на опытѣ, на сельскомъ хозяйствѣ, хотѣлъ приложить свои познанія. И вотъ, мы съ удивленіемъ видѣли тебя, своего уважаемаго преподавателя, добровольнымъ подвизникомъ земледѣльцемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ свойственнымъ тебѣ упорствомъ въ трудѣ, ты тянулъ лямку крестьянина-землероба, опроцаясь прежде всего по вѣщности: по деревенскому образу жизни въ Пивоварихѣ, по своимъ деревенскимъ экипажамъ, по мозолямъ на рукахъ и даже по одеждѣ, иногда запытанной дѣгтемъ. Это же опрощеніе, вѣроятно, способствовало постепенной перемѣнѣ и твоихъ убѣжденій. Оставаясь попрежнему высокоученымъ, даровитымъ преподавателемъ-математикомъ, ты до того почти не скрывавшій своего невѣрія въ Бога и не расположенія къ религіи, мало-по-малу приобрѣлъ и проявилъ такую вѣру, что она сдѣлала тебя священникомъ и указала тебѣ достойное, но трудное и ответственное мѣсто при здѣшней батальонной церкви. Военное начальство, поближе узнавши тебя, ввѣрило тебѣ преподаваніе любимыхъ твоихъ предметовъ въ юнкерскомъ училищѣ, и цѣлыя кадры воспитываемыхъ твоимъ настырствомъ солдатъ съ одной стороны, и съ другой — цѣлый рядъ обучавшихся у тебя добле-

стныхъ выпускъ офицеровъ юнкерскаго училища, научились уважать въ тебѣ не только истиннаго представителя науки, но и достойнаго *слушателя Христова и строителя Тайны Божіихъ*. (1 Коринт., IV, I).

Не разъ съ успѣхомъ публично выступавшій съ своими лекціями, имѣвшій массу своихъ учениковъ и ученицъ среди всѣхъ, самыхъ высшихъ слоевъ общества, перевоспитавшій почти три поколѣнія учащихся, ты по праву могъ сознавать, что не мало и не вотще потрудился въ своей жизни, что вполне заслужилъ себѣ великую честь и хвалу. Между тѣмъ, твои постоянныя скромность и простота какъ то не то умаляли, не то молодили тебя: въ тебѣ невольно забывался заслуженный строгій ветеранъ-преподаватель, въ тебѣ видѣлся скорѣе близкій, какъ-бы молодой, отзывчивый классный наставникъ, строгій въ теченіе года, но милостивый на отвѣтственныхъ экзаменахъ. Поучительны самыя увлеченія твои, въ которыхъ такъ ярко проявлялся въ тебѣ человекъ высоко одаренный талантами и необыкновенной энергіей: вспомнимъ высокія увлеченія почившаго хлѣбопашествомъ, занятіями высшей математикой, физикой и астрономіей, памятникомъ чего остался богатый семинарскій физическій кабинетъ и прекрасный телескопъ, вспомнимъ, наконецъ, его увлеченіе уже въ послѣдніе годы изученіемъ французскаго языка и почти собственноручно устроенной имъ моторной лодкой, на которой онъ вдоль и поперекъ изъѣздилъ почти все священное море Байкаль, и т. д.

Но если людямъ, интересующимся широкими научными горизонтами, мало свойственны заботы и попеченія о протѣхъ, житейскихъ нуждахъ людей, хотѣ-бы и своихъ близкихъ, то не таковъ былъ почившій. Онъ жилъ не для себя, но для ближнихъ, коимъ онъ не умѣлъ отказывать, коимъ не могъ не помогать, не справляясь обычно даже и съ своими средствами. Два фонда имѣлъ онъ всю жизнь,—это любовь и

трудолюбіе, — и этихъ фондовъ было достаточно для его безграничной щедрости по отношенію къ ближнимъ и нѣкоторой скупости по отношенію къ себѣ: вѣдь онъ не имѣлъ иногда даже шубы!..

Позволь теперь, дорогой мой наставникъ, съ благоговѣніемъ преклониться предъ твоей свѣтлой, едва ли подражаемой, чистой, высоконравственной личностью, позволь показать и почитать въ тебѣ дивный примѣръ не живой лишь связи между вѣрой и знаніемъ, но прямого воплощенія религіи и науки, — этихъ наилучшихъ и высшихъ проявленій человѣческой души, какъ образа и подобія Божія!

Мнѣ остается исполнить твой завѣтъ, который въ своей предсмертной исповѣди чрезъ меня недостойнаго тебѣ угодно было поручить мнѣ передать всѣмъ твоимъ ученикамъ и ученицамъ: «Скажите имъ», — слабымъ, прерывающимся, покаяннымъ голосомъ говорилъ ты, — «скажите имъ, что я, быть можетъ, былъ суровъ и строгъ въ своихъ требованіяхъ, особенно во время учебнаго года. Но не таковъ вѣдь я былъ для нихъ внѣ класса, или у себя на дому или даже на экзаменахъ. Суровость моя вызывалась иногда самымъ дѣломъ, интересами преподаванія и имѣла цѣлю ихъ же наилучшую успѣшность. Во всякомъ случаѣ, зла учащимся я никогда не желалъ»..

Даже болѣе, позволимъ прибавить мы и пояснить твой завѣтъ, дорогой нашъ учитель: самая требовательность твоя отъ учащихся вызывалась не злобою, а любовію къ нимъ, ибо по слову писанія и *«Господь, кого любитъ, того наказываетъ; бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ. Всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостью, а печалію, но послѣ наученія чрезъ него доставляетъ плодъ праведности»*. (Евр. XII, 6, 11).

Кто изъ всѣхъ насъ, какъ окончившихъ ученіе, такъ и учащихся, не испыталъ всей справедливости этихъ словъ

св. апостола Павла и кто всѣмъ существомъ своимъ не чувствуетъ, насколько правъ былъ въ своей взыскательности этотъ въ глубинѣ души доброжелательный ко всѣмъ, кроткій, безукоризненный въ своемъ дѣлѣ, нашъ незабвенный почившій учитель...

Дорогая, родная намъ Иркутская духовная семинарія! Много-ли тружениковъ-преподавателей имѣла ты, такъ беззавѣтно, всю свою жизнь и болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ своего преподавательства съ великою для тебя пользою безъ прерыва отдавшихъ на служеніе тебѣ?—Такого-то великаго подвижника ты съ миромъ опускаешь сегодня въ холодную могилу. Помни-же его, помни не одна лишь семинарія, помни пѣлая Иркутская епархія, помни вся Сибирь, по которой почившій о. протоіерей Николай Александровичъ, говоря метафорой св. славянскаго первоучителя Кирилла, «какъ добрый волъ вспахивалъ одну и ту же борозду» просвѣщенія христіанскаго и научнаго, пока не палъ на этой бороздѣ, окончивъ день свой». (Жизнь и подвиги св. Кирилла и Меодія. С. Пб., 1885, стр. 19).

Бъ вамъ, многочисленные почитатели, ученики и ученицы почившаго, бывшіе и настоящіе, присутствующіе и отсутствующіе, какъ духовникъ почившаго, я позволяю обратиться съ великою просьбою: съ признательностію и любовію прощайся съ нимъ, дадимъ себѣ слово—всю жизнь свою христіански молитвенно памятовать и поминась дорогое имя наставника нашего, протоіеря Николая, въ твердой увѣренности, что онъ причтенъ будетъ къ лику тѣхъ, о которыхъ въ откровеніи св. Іоанна Богослова читаемъ: *«И услышалъ я голосъ съ неба, говорящій мнѣ: напиши: отнынь блаженны мертвые, умирающіе въ Господь; ей, говоритъ Духъ, они упокоятся отъ трудовъ своихъ, и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними»*. (Откр., XIV, 13)».

(Окончаніе слѣдуетъ). Свящ. І. Дроздовъ.

Протоіерей Николай Александровичъ Головщиковъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

(Окончаніе).

По окантаніи канона и славозловія военный священникъ о. Павелъ Крахмалевъ:

«Возлюбленный о Христѣ собратъ и сослужителъ!

Печальная вѣсть о твоей кончинѣ поразила глубокой скорбью сердца всѣхъ знавшихъ тебя. Для насъ — военныхъ пастырей — особенно печально, невыразимо тяжело при той мысли, что въ твоёмъ лицѣ Иркутяне потеряли достойнаго пастыря, ревностнаго, трудолюбиваго, во цвѣтъ лѣтъ работавшаго на духовную пользу своихъ пасомыхъ — христілюбивыхъ воиновъ — съ твердою вѣрою, со всею теплою чувства, полною искренностью. О твоихъ трудахъ, полезной и благотворной дѣятельности отзывались всѣ единодушно съ самыхъ лучшихъ сторонъ, что уже нынѣ засвидѣтельствовали тебѣ твои сослуживцы, ученики и почитатели...

«Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ. Ей, глаголетъ Духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходять въ слѣдъ съ ними» (Апок., 13, 14).

Прими же, возлюбленный собратъ, мое краткое слово отъ лица военныхъ пастырей и христілюбивыхъ воиновъ — твоихъ пасомыхъ — въ знакъ послѣдняго привѣта, глубокой преданности и любви къ тебѣ, и твоя чистая душа, предстая у престола Господа славы, да услышитъ радостныя сло-

ва Спасителя: „добрый и вѣрный рабъ... войди въ радость Господа твоего“ (Мѡ., 25, 21). Аминь».

Сказавъ это, о. Павелъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сѣлалъ праху почившаго земной поклонъ.

Въ концѣ отпѣванія послѣ эктениі «помилуй насъ Боже»... сказалъ рѣчь воспитанникъ VI кл. семинаріи Телятьевъ:

«Дорогой о. Николай!»

Вѣсть о Вашей кончинѣ была для насъ, воспитанниковъ семинаріи, неожиданна. Какъ-то не хотѣлось вѣрить тому, что Вы, котораго такъ еще недавно мы видѣли бодрым и здоровымъ, умерли... Но это было такъ, и приходится помириться съ совершившимся скорбнымъ и печальнымъ фактомъ. Въ настоящія торжественно-печальныя минуты мы собрались у Вашего гроба, дорогой о. Николай, чтобы искренно горячо помолиться о Васъ и сказать Вамъ наше послѣднее «прости». Но одно это слово сказать Вамъ при разставаніи съ Вами мало, ибо Вы дороги нашему сердцу....Наша любовь къ Вамъ будить въ нашей душѣ много чувствъ и они просятся вылиться въ словѣ, но печаль мѣшаетъ слову.... Мы горячо скорбимъ о Васъ, ибо теряемъ въ лицѣ Вашемъ не только человѣка, личныя добрыя качества котораго невольно возбуждали въ каждомъ, Васъ знающемъ, сочувствіе и уваженіе, но также теряемъ и недожиннаго, даровитаго преподавателя, — того преподавателя, который при маломъ сравнительно количествѣ уроковъ, отводимыхъ для математики въ курсѣ нашихъ семинарскихъ наукъ, сумѣлъ поставить математическіе предметы въ семинаріи на такую высоту, на какой они рѣдко стоятъ въ свѣтской средней школѣ. Для этого Вы самоотверженно трудились, не жалѣли даже своего здоровія и часто даже больнымъ, черезъ силу, приходили на уроки, зная, какъ ихъ у Васъ мало и какъ они нужны и полезны для насъ.

Самые уроки проходили у Васъ оживленно, интересно и незамѣтно. Ваша простая и безыскусственная рѣчь, полная по содержанию, невольно привлекала наше вниманіе къ себѣ. А Ваша любовь къ дѣлу передавалась намъ и заставляла многихъ изъ насъ искренно увлекаться математикой.

Вспоминается намъ также и временное исправленіе Вами должности инспектора.... Правда, Вы не долго занимали эту должность, но у насъ сложилась представленіе о Васъ, какъ инспекторѣ гуманномъ. Вы были строгимъ, требовательнымъ, но правдивымъ и при этомъ вся Ваша строгость и требовательность направлялась къ нашей пользѣ. И это для насъ было ясно и понятно.... Вашъ неустанный педагогическій трудъ, конечно, немало расшаталъ Ваше здоровіе и надорвалъ силы Вашего сердца..... И вотъ, когда Вы тяжело заболѣли, оно, надорванное уже, не выдержало тяжелыхъ физическихъ страданій и остановилось..... И теперь Вы предъ нами хладный и недвижимый. ...

Вы оставили насъ и идете въ путь жизни иной, идете къ Тому, Кто далъ людямъ и эту земную, исполненную труда и скорби жизнь и уготовалъ за гранью гроба жизнь иную, исполненную покоя и вѣчнаго блаженства.... Пусть же Онъ, Всеблагій и Милосердный Богъ, покоитъ Васъ со святыми».

Предъ прощаніемъ съ почившемъ сказалъ рѣчь о. Ректоръ семинаріи, архимандритъ Евгеній. Обрисовавъ высокій нравственный обликъ покойнаго, о. Ректоръ говорилъ, что смерть о. Николая является не только большою потерей для семинаріи, которая лишается теперь даровитаго преподавателя опытнаго и дѣльнаго работника на педагогическомъ поприщѣ, но и для него лично, который лишается въ почившемъ своего близкаго и лучшаго друга.

Послѣ окончанія отпѣванія гробъ съ тѣломъ о. Николая былъ обнесенъ, при пѣніи воспитанниковъ семинаріи и подъ звуки оркестра военной музыки 28 В. С. полка, кругомъ семинар-

скаго храма и семинаріи, гдѣ онъ столь долго трудился, и
преданъ землѣ въ оградѣ Успенской церкви. Спи мирнымъ
сномъ труженикъ! Д.
